

Наталья Тарумова

Неопубликованные мемуары и. И. Пузанова

Przegląd Wschodnioeuropejski 5/1, 213-232

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

НАТАЛЬЯ ТАРУМОВА

МГУ имени М. В. Ломоносова / Москва

Неопубликованные мемуары и. И. Пузанова¹

Ключевые слова: история, архив, поэзия, культура, аутентичная публикация, Московский университет
Keywords: history, archive, culture, authentic publication, Moscow University

Имя Ивана Ивановича Пузанова (12/24 IV 1885, Курск – 22 I 1971, Одесса) – выпускника Московского университета, выдающегося зоолога, зоогеографа и гидробиолога, доктора биологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки УССР, мало известно среди литературоведов. Предоставленная его внуком, А. С. Пузановым, возможность ознакомиться с неопубликованными мемуарами, привлекла мое внимание к жизненному пути, поэтической и переводческой деятельности этого ученого. Встреча и довольно близкое знакомство с поэтами М. А. Волошиным² и Г. А. Шенгели³ позволила раскрыться творческому потенциалу Пузанова. Его произведения – венок сонетов «Крым» (1932), венок сонетов «Даткал» (1939–1940) и «Вселенная» (1951) – заняли достойное место в истории русской поэзии. О том, как он учился у Волошина писать венки сонетов, Пузанов рассказывает в своих воспоминаниях. Мемуары начинаются словами:

Каждый человек, проживший долгую жизнь, много видевший и испытанный, [...] неминуемо вступает в «мемуарный возраст» – в ту пору своей жизни,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ № 13-04-12002В, 2013–2014

² М. А. Волошин (фамилия при рождении – Кириенко-Волошин; 1877–1932) – выдающийся русский поэт, переводчик, художник-пейзажист, художественный и литературный критик.

³ Г. А. Шенгели (1894–1956) – русский поэт, переводчик, критик, филолог-стиховед. Начинал как поэт, опубликовал целый ряд поэтических сборников («Розы с кладбища», 1914; «Гонг», 1916; «Раковина», 1922 и др.). С середины 1920-х гг. занимался переводческой и организаторской деятельностью (в 1930-е гг. заведовал переводами «литературы народов СССР» в Госиздате), перевёл на русский язык почти всего Байрона, многих немецких и французских классиков. Наиболее известны его теоретические работы по стиховедению «Трактат о русском стихе» (1921), сыгравшие важную роль в изучении русского стиха.

когда, с любовью начинаешь относиться к воспоминаниям Былого и чувствуешь, пока есть силы и не совсем угасла память, зафиксировать это Прошлое на бумаге.⁴

Хронологические рамки мемуаров охватывают практически весь период жизни Пузанова, начиная с раннего детства. Они представляют собой двадцать шесть машинописных тетрадей в среднем по сто страниц формата А4, озаглавленные как тома. Каждый том имеет название, датировку и разделен на главы, каждая из которых также имеет название. Тома иллюстрированы photographиями, рисунками и шаржами. Обложка томов: тонкий цветной картон синего или зеленого цвета, и скреплены эти тетради большими скобками. Подготовительную работу к мемуарам Пузанов начал вести в 1931 г., еще при жизни матери, сообщившей ему ряд биографических фактов, которые иначе были бы утрачены безвозвратно. Составляя «свою летопись», Пузанов ежегодно пополнял ее кратким перечислением главнейших событий минувшего года, обычно приурочивая это занятие к новогодним праздникам. Воспоминания представляют не только семейный, но и общественный интерес. Иван Иванович много ездил, много видел и испытал, был знаком с выдающимися людьми своего времени, а главное – жил в одну из самых бурных эпох новой истории. Начиная работу над краткой летописью своей жизни, он думал расширить ее в «Воспоминания», которые представляли бы интерес для широкого круга читателей. Потребность в работе над «Воспоминаниями» Пузанов все острее стал ощущать с наступлением трагических событий в истории XX века – Второй мировой войны:

Во-первых, потому, что основной побудительной стимул каждого составителя мемуаров, сохранить для потомства какой-то след прожитой жизни с особой остротой чувствуется мною именно теперь, когда личная моя жизнь, как и жизнь всякого моего современника, подвергается реальной ежедневной опасности, и когда перспективы этой жизни, даже если ее и удастся сохранить – с каждым днем все мрачнеют... Во-вторых, реальная действительность так невыносимо тяжела, будущее рисуется в таких мрачных красках, что хочется погрузиться в прошлое просто из чувства самосохранения! Вот причины, заставившие меня взяться за перо в промозглый сентябрьский день 21/09-41 г.⁵

Особую привлекательность мемуарам придает то, что автор смотрит на окружающую действительность глазами ученого, его описания событий документально точны и логически обоснованы. Двадцать пятый том

⁴ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 1, с. 1.

⁵ Там же, с. 2.

мемуаров заканчивается событиями лета 1949 г. Продолжение мемуаров с 1950 г. представлено в тезисном варианте в последнем двадцать шестом томе, в котором записаны события вплоть до 1969 г. Называется том «Летопись моей жизни. Memoabilia. Материалы для автобиографии 1950–1969 гг.». Мемуары написаны хорошим литературным языком. Первые три главы первого тома – «Происхождение, детство и отрочество» – это первые впечатления, как пишет автор, «зари жизни». Четвертая глава посвящена школьным и театральным воспоминаниям. В тексте мемуаров отмечены красными скобками главы и абзацы, представляющие общественный интерес, и синими скобками – текст личного характера, которые предназначены для его родственников, а не для публикации.

Составленная автором статьи таблица, с указанием тома, его названия, количества страниц, имеет следующий вид (только в первом и двадцать четвертом томах имеется оглавление).

Том	Название	Количество страниц
Т. 1 –1885–1895	«Детство»	105 с.
Т. 2 – 1895–1900	I. Отрочество. Гимназия	78 с.
Т. 3 – 1895–1900	II и III Отрочество	89 с.
Т. 4 – 1900–1903	Отрочество, Юность	154 с.
Т. 5 – 1903–1904	II. Юность	106 с.
Т. 6 – 1904–1905 (Учеба в ун-те 1904–1911; 1906 / 7 уч. в Германии.)	Великие потрясения в старом ун-те.	190 с.
Т. 7 – 1905–1906	Великие потрясения. На перепутье.	74 с.
Т. 8 – 1906–1907	Под небом Шиллера и Гёте.	75–214 (139с.) Продолжение нумерации 7 т.
Т. 9 – 1907–1909	Опять на родине.	108 с.
Т. 10 – 1909–1910	От черных вод до черных.	134 с.
Т. 11 – 1910–1911	Москва-Петербург. Первое Путешествие на Кавказ.	97 с.
Т. 12 – 1911–1913	Путешествие на Кавказ. Зима в 1911–12 г. Москве. Зимний сезон 1912–13 гг.	198 с.
Т. 13 – 1913–1914	Лето 1913 г. Симеиз. Кавказский и Карадагский походы. Зимний сезон 1913–14 гг. в Москве. «Галопом по европам» (1914г.).	84 с.
Т.14 – 1914	«Галопом по европам» (1914 г.). 1.Вниз по Рейну. 2.Под небом Италии.	167 с.
Т. 15 – 1914–н.1916	Осень 1914 г. в Симеизе. Зима 14–15 гг. в Москве. Счастлирое, хотя военное лето.	168–246 (78 с.) продолжение нумерации 14 т.

Т. 16 – к.1916–1918	Пламенные годы 1916–18 гг.	115 с.
Т. 17 – 1918–1920	Пламенные годы 1918–20 гг. Симеиз-Симферополь. Заповедник.	92 с.
Т. 18 – 1920–1921	Врангелевское лето 1920 г. Василь-Сарайское лето 1921 г.	102 с.
Т. 19 – 1922–1923 (1921 осень – лето 1922 г.)	Василь-Сарайское лето. Жизнь в Ялте (осень 21 – лето 22 гг.).	100 с.
Т. 20 – 1923–1927	Крымский ун-т: расцвет и ликвидация. Педагогический институт.	101–276 (175с.) Продолжение 19т.
Т. 21 – 1928–1932	Крымский период. Годы: 1928–32гг.	277–320 (43стр.) Продолжение 20 т.
Т. 22 – 1933	Батумское интермеццо 1933 г.	37 с.
Т. 23 – 1933–1936	Переселение в Горький 1933–36 гг. Горький 1937–39 гг.	68 с.
Т. 24 – 1940–1944	Les annees terribles 1940–41–42 гг. Перелом войны 1943–44 гг.	93 с. (17глав)
Т. 25 – 1945–1949	Год–1945 – Юбилейный. Год–1946 – На перепутье. Год–1947 – Опять у моря! Год–1948 – Между Одессой и Крымом.	119 с.
Т. 26 – 1950–1969	Летопись моей жизни. Memorabilia. Материалы для автобиографии.	49 с.

Уже в Курской классической гимназии проявились незаурядные способности Пузанова. Окончив гимназию в 1904 году, он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Как он пишет в своих мемуарах, большое влияние на формирование его как ученого оказали лекции профессоров К. А. Тимирязева⁶ и М. А. Мензбира⁷. 1906–1907 учебный год Пузанов провел в Германии, где слушал лекции в Лейпцигском и в Гейдельбергском университетах. Вернувшись к обучению в Московском университете осенью 1907 г., Пузанов специализировался по зоологии; работал сначала в лаборатории Н. Ю. Зографа⁸, а затем Мензбира – основателя русской орнитологии. Для Пузанова, судя по всему, это знакомство стало решающим в его научной деятельности (так же, как и знакомство

⁶ К. А. Тимирязев (1843–1920) – биолог, один из основоположников русской школы физиологии растений, профессор Московского университета.

⁷ М. А. Мензбир (1855–1935) – зоолог, выпускник, затем профессор Московского университета, автор классического труда «Птицы России» (2 тт., М., 1893–1895).

⁸ Н. Ю. Зограф (1851–1919) – выдающийся зоолог, выпускник, затем профессор Московского университета.

с Волошиным и Шенгели – в поэзии). В 1909 г. он заведовал Севастопольской биологической станцией. В 1910 г. вместе с В. Н. Никитиным и В. В. Троицким⁹ (сотрудники и товарищи по работе в зографовской лаборатории) путешествовал по берегам Красного моря и Голубого Нила. Путешествие длилось четыре месяца. И как результат – сборник очерков Пузанова «Между Нилом и Красным морем». За эту книгу он был награжден Большой серебряной медалью Общества испытателей природы.

В 1911 г. Пузанов окончил университет с дипломом первой степени и получил предложение остаться в университете для приготовления к профессорскому званию. Однако в знак солидарности со своим учителем, профессором Мензбиром, который был уволен по распоряжению реакционного министра народного просвещения Л. А. Кассо¹⁰ (1865–1914), он отказался от этого предложения¹¹ и поступил в основанную Мензбиром биологическую лабораторию при Московском обществе испытателей природы. Исходив вдоль и поперек Крым, Пузанов отправился в длительное путешествие по Кавказу, а потом, по командировке Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, совершил большое путешествие вокруг Азии, посетил Японию и Цейлон. Во время путешествия он собрал коллекцию, о которой современные антропологи пишут следующее¹²:

⁹ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 10, с. 127–128.

¹⁰ Л. А. Кассо (1865–1914) – главноуправляющий Министерства (с 1910), министр народного просвещения России (1911–1914). Проводил жёсткую политику ограничения университетских свобод и прав студенчества, усиления надзора за преподаванием в высших и средних учебных заведениях. Из университетов были уволены многие профессора и преподаватели либеральной ориентации. Активно практиковалось назначение профессоров на должности в противовес обычной практике их избрания в университетах с последующим утверждением министром. Наибольшую известность получил скандал («дело Кассо») в Московском университете. В начале 1911 в знак протеста против действий полиции при подавлении студенческих волнений в отставку подало руководство университета – ректор А.А. Мануйлов, помощник ректора М.А. Мензбир, проректор М.А. Минаков. Кассо принял отставку, фактически солидаризовавшись с полицией. Тогда университет демонстративно покинули около 130 преподавателей и сотрудников университета (в том числе 21 профессор), что нанесло значительный ущерб качеству учебного процесса. Многие студенты были исключены из высших учебных заведений.

¹¹ Отдел Редких Книг и Рукописей Научной библиотеки МГУ. Отчеты Императорского Московского Университета, 1911–1912 гг.

¹² Е. В. Говор, Н. И. Новикова. Этнографические коллекции из Австралии и Океании в фондах НИИ и музея антропологии МГУ // Вопросы антропологии. – М., 1989. Вып. 83 и др.

В начале XX века по инициативе Д. Н. Анучина¹³ интересные коллекции были приобретены К.Д. Бальмонтом¹⁴ и И.И. Пузановым. [...] В 1912 г. известный русский зоолог И.И. Пузанов (1885–1971), в то время молодой выпускник Московского университета, совершая путешествие вокруг Азии, в Сингапуре приобрел для Антропологического музея Московского университета довольно интересную коллекцию папуасских идолов, оружия, начальнических жезлов, привезенных туда бургисской прау¹⁵, пришедшей из Новой Гвинеи.

С 1914 г. Пузанов проходил подготовку к профессорскому званию у А. Н. Северцова¹⁶; по предложению последнего в конце 1915 г. он был оставлен при Московском университете. Однако именно в это время Пузанова призывают в армию, и через полгода, после спецподготовки в Пулковской обсерватории, он был направлен в качестве синоптика на австрийский фронт (где служил вместе с И. С. Щукиным¹⁷ – будущим известным геоморфологом), а с февраля по декабрь 1917 г. – на Черноморскую военно-метеорологическую станцию в Севастополе. В 1918 г., демобилизовавшись, Пузанов остался в Крыму и поселился в Симеизе, где в начале века семьей

¹³ Д. Н. Анучин (1843–1923) – выдающийся отечественный антрополог, географ, этнограф и археолог. С 1884 г. профессор Московского университета, с 1896 г. академик, а с 1898 г. почётный член Академии наук. В 1867 окончил курс естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, где с 1890 учредил и читал первый отечественный курс антропологии. С 1885 до конца жизни руководил впервые созданной при Московском университете кафедрой географии. С 1890 президент общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). В 1879 по его инициативе при Московском университете был создан Музей антропологии (в 1919 кафедра антропологии, а в 1922 научно-исследовательский институт антропологии). Основной специальностью Д.Н. Анучина была антропология, одним из основоположников которой он был в России.

¹⁴ К. Д. Бальмонт (1867–1942) – поэт-символист, переводчик, эссеист, один из виднейших представителей русской поэзии Серебряного века. Д. Анучин. *Заморское путешествие К. Д. Бальмонта* // Рус. ведомости. 1913. № 5.

¹⁵ Род парусного судна.

¹⁶ А. Н. Северцов (1866–1936) – биолог, выпускник, профессор Московского университета, ученик М. А. Мензбира, основоположник эволюционной морфологии животных; его именем назван Институт проблем экологии и эволюции РАН. Сын Н. А. Северцова (1827–1885) зоолога, зоогеографа и путешественника; профессора Московского университета.

¹⁷ И. С. Щукин (1885–1985) – профессор, выдающийся геоморфолог. В 1911 окончил с отличием Московский университет и оставлен на кафедре географии и этнографии. Почти вся его жизнь – педагога и исследователя – связана с географическим ф-том МГУ им. М.В. Ломоносова. Более полувека читал на географическом факультете университета курсы физической географии, общей геоморфологии и геоморфологии СССР, совмещая педагогическую работу с полевыми исследованиями. Один из очень немногих географов, отметивший 100-летний юбилей. Ему принадлежит свыше 80 трудов, в т.ч. ряд монографий, одна из них – «Общая морфология суши», учебных пособий. Гигантский труд затратил на составление «Словаря физико-географических терминов на четырёх языках».

Пузановых была построена просторная дача. В начале 1930-х гг. власти вынудили его «добровольно» отказаться от собственности, однако эта дача и сейчас известна среди местных жителей как «дача Пузановых» и именно под таким названием она входит в путеводители по Южному берегу Крыма.

В жизненном пути и творческой деятельности Пузанова И. Т. Русев¹⁸ выделил три периода: крымский (1917–1933), горьковский (1933–1946) и одесский (1947–1970), которые были тесно связаны с университетами. Считаю также важным отметить период учебы и работы Пузанова в Московском университете (1904–1917), так как первые его переводческие труды и первые научные путешествия относятся к этому времени. (Осенью 1904 г. был сделан перевод фрелигратовской поэмы «Löwenritt»¹⁹, в переводе Пузанова – «Царская поездка»; 1909 – путешествовал по берегам Красного моря и Голубого Нила; 1912 – вокруг Азии).

В г. Горьком (именно здесь в 1941 г. он приступает к написанию «Воспоминаний») Пузанову довелось встретиться со своим бывшим университетским преподавателем Алексеем Дмитриевичем Некрасовым (1874–1960)²⁰. В стихотворении (А. Ф. Некрасову. Юбилейные октавы), посвященном 75-летию Некрасова, Пузанов так вспоминал Московский университет своей юности:

Мы оба общей *almae matris* дети
И дорог нам Татьянин славный день.
Мы оба свято чтим чертоги эти,
Где Тимирязева витает тень.
Минуло время то (как все на свете),
Когда в фуражке синей набекрень
Я снизу вверх смотрел на вас, ученых,
Сам находясь среди юнцов зеленых.²¹

¹⁸ И. Т. Русев – руководитель Фонда защиты и возрождения дикой природы имени профессора И.И. Пузанова «Природное наследие».

¹⁹ Г. Ф. Фрейлиграт (1810–1876) – немецкий поэт, переводчик; выдающийся представитель революционной поэзии 1848 г. Один из самых видных представителей экзотизма в немецкой романтической поэзии. Самые знаменитые, имевшие огромный успех стихотворения и поэмы Ф. в этом роде: «Löwenritt», «Mohrenfürst», «Der Blumen Rache», «Prinz Eugen, der edle Ritter» и др. В них сказывается характерное для романтика стремление бежать от действительности в мир фантазии, упиваться красками экзотической природы, выдумывать яркий, сказочный Восток, ничего общего с действительным не имеющий.

²⁰ А. Д. Некрасов (1874–1960) – зоолог, эмбриолог и историк биологии. В 1900 г. окончил Московский университет; с 1905 г. преподавал в нем. С 1919 г. профессор; с 1928 г. заведующий кафедрой зоологии Нижегородского, затем Горьковского университета.

²¹ И. Пузанов. Талипот. Стихи 1902–1967. Одесса, 1949. С. 91–92.

В семейном архиве Пузановых сохранился рисунок Некрасова, датированный 1936 годом. [Приложение 1].

В январе 1919 г. в Севастополе, где проходил 2-ой съезд Таврической Научной Ассоциации, произошло знакомство Пузанова с Волошиным.

В перерыве, – вспоминает Иван Иванович в своих мемуарах, – я заметил в коридоре незнакомую мне фигуру коренастого человека в зеленом альпийском костюме, в длинных чулках, с огромной копной седовато-рыжих волос на львиной голове. – Поэт Максимилиан Волошин – шепнул мне один из севастопольцев. Это была моя первая встреча с М. А. Волошиным.²²

После Севастополя, в 1919 году, была встреча с Волошиным в Симферополе на квартире профессора В.И. Вернадского²³:

В условленный час я уже был у Вернадского и занял место в углу, среди других любителей поэзии. И вот он вошел, ведомый под руку В. И. Вернадским – кряжистый, среднего роста мужчина, с копной рыжих с проседью волос на голове, окаймляющей простое мужицкое лицо с глубоко запавшими голубыми глазками, мудрыми и проницательными. Встав в углу комнаты, у окна, Волошин начал. Читал он много – помимо уже известных мне «На вокзале» и «Неопалимая купина», он прочел «Северовосток», «Китеж», «Дикое поле» и другие свои произведения периода гражданской войны, ставшие впоследствии знаменитыми. Читал он, конечно, на память – как-то по-особенному, по-волошински – просто, но энергично.²⁴

Иван Иванович встречался с Волошиным еще несколько раз. Летом 1931 года Пузанов навестил Максимилиана Волошина на его даче в Коктебеле. Вот как он об этом вспоминал:

[...] С трепетом сердечным отправился с визитом к «Властителю моих дум», поэту Максимилиану Волошину, проживавшему в своей даче, названной им «Домом Поэта». Я имел основание явиться к Волошину отнюдь не в качестве любопытствующего туриста: во-первых, я познакомился с ним еще в годы Революции в Симферополе, дискутировал с ним и с профессором А. А. Байковым; наконец, я стал известен в Крыму как знаток и декламатор его стихов,

²² И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 17, с. 48.

²³ В. И. Вернадский (1863–1945) – российский естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель. Основоположник комплекса современных наук о Земле. Создатель многих научных школ. Академик АН СССР (1925); первый президент АН Украины (1919). Ректор Таврического университета (1920–1921). Профессор Московского университета (в 1898–1911), ушел в отставку в знак протеста против притеснений студенчества. Его труды составляют более 700 наименований.

²⁴ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 17, с. 61.

что было ему, конечно, известно, особенно от гостившей у него в 1928 году четы Шенгели. Неудивительно, что Волошин встретил меня весьма любезно с возгласом: «А, Иван Иванович! Милости прошу!»²⁵

За вечерним чаем у них завязался непринужденный разговор о положении Крымского пединститута, о его профессорах и в особенности о Шенгели, и о поэзии. Много говорили о создании венка сонетов Волошина «Limaria» и «Corona Astralis». Все услышанное от мэтра, Иван Иванович решил использовать при окончательной шлифовке венка сонетов «Крым», над которым начал работать. Свое впечатление от встречи Пузанов, возвратившись в Симферополь, выразил в стихотворении «Наедине с морем». На прощание Волошин подарил Пузанову три акварели, которые хранятся у его внуков.

Волошин, следуя своему обыкновению, разложил кучу своих акварелей и предложил выбрать себе на память – «хочу штуки три-четыре». Все предложенные акварели повторяли в различных вариантах один и тот же лейтмотив: выжженные холмы Коктебеля, грозные уступы и гребни Карадага, лазурный Коктебельский залив. Из скромности я отложил себе две акварели – конечно, из тех, которые мне больше всего понравились.²⁶

Известие 11 августа 1932 года о смерти Волошина как «громом поразило» Пузанова. Он «намеревался навестить его по примеру предшествоющего года!»

Имя Пузанова как поэта, мало известно. Большую часть своих стихов автор собрал в рукописном сборнике «Галипот»²⁷. Одним из любимых его жанров была пинакопоэзия – стихотворное сопровождение живописных картин (стихотворения «Отец и сын» и «Казнь»), а одной из любимых поэтических форм – венок сонетов (венок сонетов «Крым»). Мастерски владея классическим стихом, Пузанов порой переходит к свободному белому стиху – таково стихотворение «Глаза», вызывающее в памяти страницы Гоголя и Достоевского. Занимался Пузанов и стихотворными переводами – с английского, французского и немецкого языков. Первые его переводческие работы относятся к 1904 г., но первоначальные редакции переводов содержали много авторских ошибок. В своих мемуарах Иван Иванович писал, что от Шенгели, известного автора «Трактата о русском стихе», он получил ряд ценных технических указаний и разъяснений. При

²⁵ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 21, с. 18.

²⁶ Там же, с. 20.

²⁷ Разновидность цейлонских пальм.

переводах и в собственных стихах Пузанов далеко не всегда соблюдал правила версификации – не выдерживал принятые в оригинале чередование мужских и женских окончаний. Другой частой ошибкой было несоблюдение обязательной цезуры, делящей пополам шестистопный ямб.

Хотя это и делают некоторые игнорирующие правила стихотворцы, но это неудобно и некрасиво. Лучше так не делайте! – говорил Шенгели. – Так, например, слово «спаленный» можно рифмовать с «наклоненный, скрыленный», но не «наклоненных, окрыленных». «Конечно рифмуют и так – но это и некрасиво, и как-то не опрятно», – учил меня строгий стиховед. Учитывая, при этом, что в скором времени Шенгели подарил мне и свои печатные публикации по технике стиха, я с признательностью считаю Георгия Аркадьевича моим настоящим учителем нелегкого искусства стихотворства.²⁸

Близкое общение с поэтом дало возможность Пузанову стать профессиональным поэтом-переводчиком. Евгений Витковский, известный литературовед, поэт и переводчик писал: «И. Пузанову принадлежит перевод практически полного свода поэтических и критических произведений Леконта де Лиля, но эта работа осталась неизвестной читателю».²⁹ В 1956 г. в тринадцатом томе «Собрания сочинений» Виктора Гюго были опубликованы несколько его переводов («Сатурн», «Три сотни»)³⁰; печатались также переводы из Байрона («Стихи, написанные после пересечения вплавь Дарданелл между Сестосом и Абидосом»)³¹. Ему принадлежит перевод поэтических и критических произведений Шарля Леконт де Лиля («Последнее воспоминание», «Орфические гимны»: 1. Аромат нимф (Благоухания); 2. Аромат Гелия – Аполлона (Гелиотроп); 3. Аромат Селены (Мирт)). В кругу профессиональных переводчиков Пузанов известен, прежде всего, именно как переводчик, открывший Леконт де Лиля русскому читателю. В своих воспоминаниях он описывал спор между ним и Волошиным в доме А. А. Байкова³² в 1922 г. о том, какая культура больше

²⁸ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 21, с. 323–324.

²⁹ Е. Витковский. Плоды поздней зрелости. М.: Водолей, 2011. С. 143.

³⁰ Виктор Гюго. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 13. М.: Гос. изд. худ. лит., 1956, с. 67–68, 324–330.

³¹ Д. Г. Байрон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М.: Изд-во «Правда», 1981, с. 48.

³² А. А. Байков (1870–1946) – русский, советский химик, действительный член и вице-президент АН СССР. С 1880 года учился в Курской гимназии, где серьезно увлекся химией. После окончания гимназии в 1889 году поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Там стал учеником Д. И. Менделеева. В 1918 выехал в Крым в лечебный отпуск, где ему пришлось пережить весь период гражданской войны. Зарабатывал на жизнь преподаванием в местных учебных заведениях. С 1921–1923 гг. – ректор Крымского университета.

дала человечеству: немецкая или французская. Иван Иванович защищал культуру Шиллера и Гете, Волошин и Байков защищали французов.

Когда я аргументировал немецкой эрудицией и основательностью, мои противники указывали мне, что и у немцев не было таких изумительных эрудитов как Литре³³ – филолог и философ-позитивист, создавший замечательный словарь французского языка. Лишь много позже, познакомившись с изумительной французской литературой, я убедился, что Волошин и Байков во многом были правы.³⁴

Особое место в жизни Пузанова занимало знакомство и дружба с поэтом Шенгели и его женой Н. Л. Манухиной³⁵, которое состоялось осенью 1927 г. в Симферополе. Познакомился Пузанов с Шенгели на одном из пединститутских заседаний: «это был стройный, очень красивый брюнет в очках, который при встречах сдержанно-вежливо кланялся мне, не вступая, впрочем, в разговоры». Более тесное знакомство произошло чуть позже, когда их семьи переехали в Симферополь. Шенгели, как вспоминал Пузанов, оказался «чрезвычайно милым, интересным собеседником». Вадим Перельмутер³⁶ писал об этом периоде:

Летом 1927 года Шенгели уезжает из Москвы. С осени он – преподаватель Симферопольского университета³⁷. Причины этого годичного добровольного

³³ Эмиль Литре (1801–1893) – французский филолог и философ-позитивист. Автор классического «Словаря французского языка».

³⁴ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 19, с. 73.

³⁵ Н. Л. Манухина (1893–1980) – поэтесса, вторая жена Г.А. Шенгели. В девичестве Лукина, происходила из офицерской семьи. Первым мужем ее был богатый московский врач Сергей Манухин – человек культурный и безумно ее любивший.

³⁶ В. Г. Перельмутер (г.р. 1943) – поэт, историк литературы, эссеист, культуролог, художник-график, редактор интернет-журнала русской культуры “Toronto Slavic Quarterly”, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН). Подготовил и издал более 50 книг русских поэтов и прозаиков: П. А. Вяземского, К. К. Случевского, В. Ф. Ходасевича, Г. А. Шенгели, С. В. Шервинского, А. А. Штейнберга, В. П. Катаева, а также книги по истории литературы.

³⁷ Таврический университет к осени 1918 г. был полностью укомплектован преподавателями высшей квалификации. К этому времени в Крым переехали всемирно известные ученые: академики Н. И. Андрусов, В. И. Палладин, В. А. Обручев, П. П. Сушкин и др. В конце сентября все службы Ялтинского отделения были переведены в Симферополь, а 14 октября состоялось торжественное открытие Таврического университета как самостоятельного учреждения. В годы гражданской междуусобицы университету выпало стать главным научным центром всего региона. Академик Вернадский, возглавивший университет в октябре 1920 г., отмечал, что тогда Таврический университет «представлял собой одну из самых сильных научных школ в стране». Здесь работали семь академиков (Н. И. Андрусов, М. М. Богословский, В. И. Вернадский, К. Г. Воблый, Д. А. Граве, А. Э. Кесслер, В. А. Обручев), четыре член-корреспондента (Д. В. Айналов, Н. К. Гудзий, И. А. Линиченко, В. Е. Петухов), свыше 100 профессоров. Таврический университет

«изгнания» (так озаглавлено написанное в Симферополе стихотворение) были серьезны. В 1920-х гг. Шенгели «схватился» с лефовцами во главе с Маяковским, отрицавшим культурное наследие, и выпустил в 1927 г. против него резкий памфлет «Маяковский во весь рост», о чем, правда, узнав о его трагической гибели, искренне сожалел...³⁸

Мемуарные воспоминания Пузанова рисуют более подробную картину пребывания семьи Шенгели в Симферополе. Вскоре после приезда в Симферополь семьи подружились и стали частыми гостями друг у друга. Семья Аркадия Георгиевича состояла из супруги, Нины Леонтьевны, домработницы Даши и собаки доберман-пинчера, по кличке Ворон. Из Москвы было привезено минимальное количество багажа, и меблировка их комнаты была более чем скромной. Уют создавали многочисленные фотографии – в основном, портреты друзей. Вот как Пузанов описывает быт семьи Шенгели:

Комната отапливалась своеобразно, вместо традиционной переносной плитки-буржуйки посреди комнаты; на фундаменте из нескольких кирпичей, возвышался „чугунок”, жестяные трубы от которого, перекинутые через всю комнату, ее согревали во время зимних холодов. Этот же чугунок, в котором зимой перманентно горел каменный уголь, временами раскаляя его до красна, служил и для приготовления пищи, которая отличалась спартанской простотой.³⁹

Причина такой экономии заключалась в следующем: «супруги копили деньги на обязательные поездки в Москву, которые всегда совершали в вагоне даже не первого класса, а в международном». От этого принципа Шенгели никогда не отступал. Другим «пунктиком» было довольно странное у поэта «неприятие музыки».

Он совершенно был лишен музыкального слуха, не воспринимал красот Бетховена и Моцарта, и радио приводило его в тихое бешенство. Нина Леонтьевна со смехом рассказывала, как, входя в международный вагон

просуществовал два с половиной года. 23 октября 1920 г. Крымский революционный комитет приступил к реорганизации Таврического университета. 12 января 1921 г. Вернадский отказывается от должности ректора Таврического университета. 25 января Крымская власть принимает решение о высылке Вернадского и других известных ученых из Крыма. 23 февраля Вернадский с группой профессоров Таврического университета под усиленной охраной ЧК выехал из Симферополя в Москву. Осенью 1925 г. Крымский университет преобразован в Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе.

³⁸ В. Перельмутер. Живущий на маяке (Над архивом Георгия Шенгели) // Вопросы литературы. М., 1990, № 6, с. 66–68.

³⁹ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 21, с. 291.

скорого поезда и слыша звуки радио, Георгий Аркадьевич подзывал к себе проводника, и строго глядя на него в упор сквозь свои круглые очки, вручал крупную денежную купюру со словами: «А радио у нас ис-пор-че-но! Понимаете?» – Проводник, сначала в недоумении почесавший затылок, быстро соображал, и отвечал с глубоким поклоном: «Понимаю-с!» Через несколько минут радио замолкало надолго – до самой конечной остановки.⁴⁰

За беседами вокруг «раскаленного очага» многое стало известно Пузанову о семейной жизни Шенгели, об их происхождении, о чем он достаточно подробно описывает в мемуарах.

Георгий Аркадьевич в раннем детстве переехал в Керчь. Свой родной город, полный седой древности, Шенгели любил страстно, и всю жизнь мечтал переселиться на берега Босфора Киммерийского; лучшим отдыхом для него было пожить хоть немного не на каком-нибудь Крымском или Кавказском курорте, а в рыбацкой хибарке на берегу Пролива:

Никогда не забуду я этот сухой известняк

Оборвавшийся круто навстречу прибою и бризу –

Никогда не забуду я этот соленый сквозняк –

Что полынью звенит, пробегая обрыв по карнизу –

признается он в одном из автобиографических стихотворений сборника «Норд». Однако, ревнивая жена-поэтесса отнюдь не разделяла этой любви мужа к глухому провинциальному городку и мечта керченского патриота так и осталась неосуществленной!..⁴¹

Нина Леонтьевна Манухина-Шенгели, как пишет Пузанов, происходила из офицерской семьи Лукьяновых. Другие исследователи указывают фамилию Лукина, а не Лукьянова. Думаю, что это ошибка Пузанова, так как этот факт он записывал со слов жены, Евгении Николаевны⁴², которой лишь много позднее, в Коктебеле, Нина Леонтьевна рассказала о своей «довольно бурной проведенной молодости».

⁴⁰ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 21, с. 292.

⁴¹ Там же, с. 324–325.

⁴² Е. Н. Пузанова (1889–1968) – жена И. И. Пузанова, урожденная Галицкая, с которой он прожил более полувека. Имели двух сыновей. Старший сын Борис (1919–2007) выбрал морскую карьеру: старшим механиком грузовых и пассажирских судов Черноморского пароходства обошел почти все крупные порты мира, но, как и его отец, сохранил верность Крыму, считая его красивейшим местом на земле. Младший сын Сергей (р. 1926) до последнего времени также ежегодно навещал Крым. Сергей Иванович был военным топографом, после выхода в отставку преподавал в Львовском политехническом институте. Внук и правнук Пузанова продолжили связь с Московским университетом – оба окончили географический факультет.

Ее детство и юность прошли в бедности, но все же, она могла окончить институт. После смерти отца, отличавшегося строгими правилами, мать вторично вышла замуж, а вскоре – и дочь Нина. Первым мужем ее был богатый москвич врач Сергей Манухин – человек культурный и безумно ее любивший. Однако, она отнюдь не разделяла его любви и по ее откровенному признанию вышла замуж для того, чтобы вырваться, наконец, из обстановки опостылевшей бедности. Не чаявший в Нине души муж часто возил ее по заграницам, где она подолгу жила и в Париже, и в Ницце, и где у неё было много поклонников. Именно к этому времени (1920 г.)⁴³ относятся первые поэтические выступления богато одаренной молодой женщины. Начало романа её с известным уже в то время поэтом Шенгели носило, если можно выразиться – вполне „романтический” характер. Однажды она, в серой амазонке, ехала верхом вдвоем со своим братом где-то на окраине Москвы – быть может, за тверской заставой. Внезапно взгляд её упал на какого-то красивого брюнета в очках, который стоял при дороге и не сводил с неё глаз. Судьбе было угодно, чтобы вскоре она встретила с этим брюнетом на каком-то вечере, и была ему представлена. «Скажите, с первых же слов спросил её поэт Шенгели – а это был, разумеется, он – не Вас ли я встретил там-то и тогда-то, когда вы в серой амазонке, катались верхом с каким-то... молодым человеком?» – «Да, это был мой брат». После этой встречи поэт и поэтесса страстно влюбились друг в друга, и Н. Л. поняла, что без Г. А. она жить не может. Но как бросить мужа, дочь Ирину? Как расстаться с обеспеченным положением супруги хорошо зарабатывавшего врача? Ведь у поэта Шенгели, еще недавно разгуливавшего по Одессе босиком, не было гроша за душой! Сознание трудности – казалось даже невозможности найти выход довели обоих любовников до того, что Нина пыталась отравиться вероналом а Георгий – повеситься на каком-то обрывке. Наконец, Нина не выдержала, и, бросив все – бежала в убогую каморку Георгия, почти вся обстановка которой состояла из трехногого стула. Это было незадолго до переезда молодых супругов Шенгели в Симферополь.⁴⁴

В Крымском педагогическом институте Шенгели проработал осенний семестр 1927 г. и весь 1928 г. Пузанов пишет, что с началом летних каникул 1928 г. «Шенгели укатили в Москву – проветриться и подтвердить свое право на занимаемую ими комнату», а часть лета провели в Коктебеле, в гостеприимном «Доме Поэта» у Волошиных.

Летний сезон 1928 года прошел очень оживленно: собралось много писателей, поэтов, просто друзей. Совершали прогулки в горы, купались без конца, музицировали, читали стихи, просто дурачились. Волошин читал свое новое произведение религиозного цикла «Сказание об иноке Епифании», не

⁴³ Н. Манухина. Не то... Стихи. Кашин, 1920.

⁴⁴ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 21, с. 325–327.

вызвавшее больших восторгов у слушателей. [...] Гораздо более удачным было стихотворное состязание, организованное Волошиным. Собравшиеся поэты должны были написать стихотворение на заданную тему: «Не остывал аэролит». (Имелся в виду метеоритный камень, положенный на могилу Эдгара По его друзьями и поклонниками). [...] Против всякого ожидания, премию получила скромная «поэтиха», авторша крошечного сборника стихов «Не то» – Нина Манухина-Шенгели. Жюри было подкуплено необычайно скромным и в то же время – оригинальным подходом ее к трудной теме. Приведу остроумное стихотворение поэтессы полностью.

Баллады форма мне трудна:
Я не в большом поэтском чине
Занежена /зане-жена!/
Я не умею брать твердыни
Боюсь поддаться рифм лавине
Тем более, что муж – пиит
Не знает: по какой причине
Не остывал аэролит?
Сегодня полная луна
Задумчивого цвета дыни
Мечтаю, сидя у окна
О «фернампиксах», о дельфине
А тут поэты в мрачном сплине
Шагают – и вопрос открыт:
Когда и где, в какой пустыне
Не остывал аэролит?

А я другим удручена:
Алеют губы – все в кармине,
Рояль звенит, словно зурна!
Ах! Диспут не помог кручине:
Фокстрот запретнее святыни
Манит миражем... кровь бурлит...
Кой чорт мне в том, что и доньше
Не остывал аэролит?!
И пусть в неведомой пучине
Не «фернампикс»¹, а «пёс»² на вид,
Совсем не интересный Нине
Не остывал аэролит!..

Нина Манухина I/IX – 28 г.

¹) фернампикс – на коктебельском жаргоне – прозрачный халцедон.
²) „пёс” – простая галька». ⁴⁵

Осенью 1928 года над Шенгели начали «сгущаться тучи». Разразившаяся над головами супругов Шенгели кризисная ситуация была чрезвычайно болезненно воспринята их друзьями – в первую очередь, семьей Пузановых, а также довольно многочисленными их поклонниками и поклонницами. Причина состояла в резко-оппозиционном отношении профессора новой русской литературы Шенгели к почти что канонизированному Маяковскому.

Конечно, литературовед и поэт Шенгели культивировавший строгие формы стиха и традиции классиков – Пушкина, Тютчева у нас, Верхарна и Гюго на западе, не мог давать на лекциях Маяковскому иной оценки, как самой

⁴⁵ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 21, с. 321–322.

отрицательной. Это не понравилось большей части студентов, показалось опасным руководству факультета и вуза.⁴⁶

Профессору Шенгели было сделано внушение с просьбой переменить свое отношение к «поэту революции» Маяковскому. Георгий Аркадьевич на это пойти не мог и заявил о своем уходе из вуза, особенно после враждебной демонстрации против него части студенчества. Шенгели, решил окончить читаемый курс, и к следующему весеннему семестру уехать из Симферополя. Особенно по поводу отъезда Шенгели волновались сестры Манские⁴⁷, большие поклонницы творчества поэта. Они умоляли профессора переменить свое решение, помириться со студентами и остаться. Это дало Пузанову повод написать шуточное стихотворение – «Монорим» – вольное подражание известному отрывку о двух газелях из детской книжки Корнея Чуковского «Телефон». Приведу отрывок:

К отъезжающим Шенгели
Прибежали две газели,
Две сестрицы, две мамзели:
Неужели в самом деле
Покидают нас Шенгели?
Ах, как сильно мы хотели,
Чтоб вы прочно здесь засели!⁴⁸

Это шуточное стихотворение Иван Иванович прочел на прощальном приеме отъезжающих Шенгели, приглашенных на традиционный семейный праздник – именины матери Пузанова, 16 декабря 1928 г. «Однако, ни шуточный тон стихотворения, ни богатое угощение, не могли смягчить грусть расставания с четой наших друзей – культурных и симпатичных супругов Шенгели. Когда-то мы снова увидимся, и где? Конечно, в Москве? – Увы! Оказалось, что встреча наша осуществилась через сравнительно длительный промежуток времени». В январе 1929 года, когда Георгий Аркадьевич вернулся в Москву, он написал Пузанову «довольно унылое» письмо:

⁴⁶ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 21, с. 327.

⁴⁷ Манские Соня и Лёля – сестры Манского Давида Моисеевича (1904–1974), – русский советский режиссер. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1945). Окончил Крымский театральный техникум в 1924 (класс С. И. Днепрова и Е. А. Ленковского). С того же года выступал как актёр в театрах Симферополя, Севастополя и др. городов. В 1928 в Омском театре начал режиссёрскую работу.

⁴⁸ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 21, с. 327.

Вообще же, скучновато и бесперспективно... Живем, чтобы есть, и едим, чтобы жить... был мой вечер в Союзе Поэтов и в «Никитском субботнике». Народу много, похвал тоже, успех – на четыре с минусом. – К письму была приложена доверенность на получение – «моей сотняги». В отставку я подал на днях, и жалованье за первую половину января мне, во всяком случае, пригодится.⁴⁹

Ситуацию, сложившуюся в Педагогическом институте, Иван Иванович описал в пародии на известное стихотворение Шенгели «К музе» (Я груб и неумыт, я на ветру дрожу / В одежде порванной, истленной. / Мне надо жить и есть – и по дворам хожу / С тобою, с обезьянкой пленной.) и нарисовал дружеский шарж. [Приложение 2] Приведу фрагмент пародии:

Я черен и небрит. По городам хожу
В одежде кожаной, нетленной,
И сквозь очки свои я круглые гляжу
На мир с улыбкою надменной.
Поэта лиру я сложил пока в портфель:
Сейчас – профессор я Педвуза.
Достаточно скучна мне эта канитель –
Но ты со мной, мартышка – Муза!
[...]
Читаю, дурочкам я вузовским своим
Как мир дурачит Маяковский
Мальчишкам нипочём обидеть больно нас –
Тогда с подошв мы пыль стрясаем
И взявши Дашу, пса, весь твой иконостас
Коварный город покидаем.⁵⁰

Потеряв работу в Крымском Педагогическом институте и не имея перспектив на заработки в Москве, Георгий Аркадьевич принял приглашение занять место профессора в Самарканде. Будучи разделенные с четой Шенгели широкими пространствами, они никогда не теряли друг друга из виду и время от времени обменивались письмами, «когда ленился поэт, отписывалась за него поэтесса». К сожалению, в семейном архиве А. С. Пузанова, внука Ивана Ивановича, не сохранилась переписка с Шенгели, может быть она находится у других родственников. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)⁵¹ мне удалось найти фотографию с подписью «Профессура Крымск.

⁴⁹ И. И. Пузанов. Мемуары. Т. 21, с. 329.

⁵⁰ Там же, с. 329–330.

⁵¹ РГАЛИ. Ф. № 2861, Шенгели Г. А. Оп. 1. Ед.хр. 299, л.2; 335, л. 1; 394, лл. 1, 2, 4–8.

Педагогич. Института 7/ХІ 27. Экз. Г.А. Шенгели», фотографию первого мужа Н.Л. Манухиной; семь писем от семьи Пузановых, адресованных Манухиной-Шенгели: два письма датированы апрелем 1950 г. и июнем 1956 г. (Шенгели был еще жив, умер в ноябре 1956 г.); три письма от 19 марта 1958 г., 10 августа 1960 г., 10 ноября 1962 г. и два письма без даты. Публикуемые ниже два письма⁵² дают представление о тесных и доверительных отношениях между семьями Пузановых и Шенгели.

19/21.03.58

Дорогая Нина Леонтьевна!

Вы, вероятно, уже надулись на нас за то, что мы с женой никак не реагировали на ваш отчет о вечере памяти Георгия. Не думайте, что я, бегло просмотрев ваше писание, тотчас о нем забыл: совсем наоборот! Не далее как вчера, я пытался ознакомить с ним других «трудящихся», начав с друзей семейства Шенгели, и предложил его Николаю Всеволовичу Аргиропуло, одному из наших библиотекарей, прирожденному Керчанину. Но он уведомил меня, что мать его, старая Аргиропулиха, которая, по-видимому, дружила с Йоросом⁵³ еще в детстве, уже получила отчет из первых рук. Но больше в Одессе его предложить некому! В этом удивительном городе буквально нет ни одного человека, который бы любил и понимал стихи, и был при этом знаком с творчеством Шенгели! Вы понимаете, почему моя муза здесь глохнет и звучит только на сатирический лад.

Не совсем мне нравится, что вы опять начинаете прихварывать. Неужели вы не прекратили перегружать себя работой? Вы же видите, что ваша спешка не привела ни к чему. По моему глубокому убеждению, вас сильно подкузьмила деградация Пузикова. Он, по-моему, все же не мог отмачить такой репликой, что «будем, дескать, печатать живых, а сущие в гробе пусть себе тихо спят». «Черти полосатые! А когда Шенгели был жив, вы его шибко печатали?!» Так нам было бы гаркнуть на эту шпану, стукнув кулаком по столу. Возвращаясь к Пузикову, я полагаю, что на него можно было воздействовать через его учителя, Николая Каллиниковича Гудзия. Да! Не везет российским Музам! Быть может, вы пришлете мне еще что-нибудь из поэтического наследия Шенгели? А потом – вы же мне обещали замечательное стихотворение Пастернака?

В заключение, опять возвращаюсь к вашему отчету. Удивительное дело! Он произвел на меня и Евгению Николаевну прямо противоположное впечатление – т.е. не самый отчет, как таковой, а вечер в его освещении. Мне вечер, в общем, понравился,

⁵² Орфография текста писем приводится без изменений.

⁵³ «Йоргос» или «Йорос» (греч. Геюсгйпт, Гйюсгпт) – в переводе с новогреческого «Георгий».

Крепость Йоромс (тур. *Yoros kalesi*) – руины разрушенной крепости на слиянии Босфора и Чёрного моря, в районе Анадолукавагы (ильче Бейкоз, Стамбул). Кроме того, её обычно называют Генуэзской крепостью (тур. *Ceneviz Kalesi*), так как генуэзцы контролировали её во второй половине XIV века.

и я нахожу, что наиболее яркие выступления свидетельствовали о большой любви и уважении к памяти покойного (конечно, не говоря о товарище, который «не успел подготовиться»). А Евгения Николаевна вечером, в общем, не удовлетворена. Ну – будьте здоровы, вы и вся ваша семья. Если дочь ваша действительно вернется под крылышко мамаша, это будет замечательно!

Ваш навеки И. И. Пузанов⁵⁴

10.11.62

Chire Pottesse!

Давно собирался вам написать, но собрался сделать это в преддверии печальной для всех нас даты. Об этом позаботилась хранительница всяких дат – Е.Н.П. Я частенько вспоминая Георгия и перечитываю его стихи. Не помню, писал ли я вам, что я очень хотел бы иметь его балладу о мышелове, которую он читал в Симферополе еще до приезда своей Музы, сопровождаемый Дашей и Вороным. А еще хотел бы иметь из его цикла «Сны» тот сон, где рассказывается о каком-то еврее подарившем ему не то чудесный кубок, не то чашу. – Конечно, посетил я в этом году и Коктебель – право, совсем мимоходом. Был у Марии Степановны – она понемногу расчистила сонм докучливых чужаков и чужачек, ничего общего не имеющих и не имевших с Максом и его поэзией. «Гуна» Паливанова, также Шагинянцы уже уехали. Истекшим летом не удалось приколотить к Дому Поэтов мемориальную доску – воспротивилась какая-то сволочь. Но у любителей Максовой поэзии появилась надежда увидеть, наконец, в печати сборник его стихов, в частности – наиболее приемлемых стихов 1927-28-х годов. И это – по заказу Крымиздата! Над отбором стихов работал л-градский [ленинградский] литературовед Виктор Андроникович Мануялов, конечно – при Марии Степановны. На одном их «заседании» участвовал и я. Конечно, Цикл «Путями Каина» выйдет не целиком, но большая историкософическая поэма «Россия» выйдет, с вариантом, правда, нескольких стихов; например, после уничтожительной характеристики графа Аракчеева фраза: „Земли российской первый коммунист” конечно, предстоит еще сражения с Крымиздатом – и с гадательным успехом! А моя муза понемногу глохнет. Летом случайно вывалил из себя одну басню в стиле дедушки Крылова, под заглавием «Барбос и Дружан» подзаголовком грехов собачих суть, конечно, сами собой вылились, две новых песни „Трофимианы”, о новейших событиях на фронте Лысенко, перевел из Леконта-де-Лиля „Les inguïtudes de don Simuel” и „Le secret de la vie”. Когда немного освобожусь, попробую продвинуть ряд своих переводов его антиклерикальных стихотворений через антирелигиозное издательство.

Пишите – как ваше здоровье? Ваш И.И.

P.S. Конечно, горячий поцелуй от Е.Н.!»⁵⁵

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. № 2861, Шенгели Г. А. Оп. 1. Ед.хр. 394, л.2.

⁵⁵ Там же, л. 9.

Unpublished memoirs by Ivan Puzanov

Ivan Ivanovich Pusanov (1885–1971) is one of the poets coming back to the literature of the 21st century. The chance to read unpublished memoirs by Ivan Pusanov, the scientist, has attracted my attention to his life, poetry and translations. Ivan Pusanov was quite close to Maximilian Voloshin and George Shengeli, and that friendship helped him to unlock his creative potential. His collections of poems, Wreaths of Sonnets „The Crimea” (1932), „Datkal” (1939–1940) and „The Universe” (1951) constitute an essential part of the history of Russian poetry and cannot be disregarded. In his memoirs, Ivan Pusanov tells about the days when he learnt from Maximilian Voloshin how to write wreaths of poems, about his friendship with Shengeli and how it helped him to become a professional translator.